

Береснева Наталья Александровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Москва, Россия
beresneva.silentium@yandex.ru

РЕЦЕПЦИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. АПУХТИНА НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОВЕСТИ «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА» И ФАНТАСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА «МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ЖИЗНЬЮ»

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Смерть Ивана Ильича», А. Н. Апухтин, «Между смертью и жизнью».

В докладе рассматривается, как творчество Л. Н. Толстого повлияло на прозу А. Н. Апухтина, в частности, как связаны между собой повесть «Смерть Ивана Ильича» и рассказ «Между смертью и жизнью». Отметив текстуальное сходство произведений, исследователь ставит своей задачей проанализировать полемику писателей в области философии, описать функцию вводимых в текст французских выражений, а также охарактеризовать те приемы, благодаря которым теория Толстого о необходимости духовного самосовершенствования предстает несостоятельной в рассказе Апухтина.

Beresneva Natalia Alexandrovna

National Research University
“Higher School of Economics” (NRU HSE),
Moscow, Russia

RECEPTION OF L. N. TOLSTOY IN THE WORK OF A. N. APUKHTIN ON THE EXAMPLE OF A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NOVEL “THE DEATH OF IVAN ILYICH” AND THE FANTASTIC STORY “BETWEEN DEATH AND LIFE”

Keywords: L. N. Tolstoy, “The Death of Ivan Ilyich”, A. N. Apukhtin, “Between Death and Life”.

The report discusses how the work of L. N. Tolstoy influenced the prose of A. N. Apukhtin, in particular, the relationship between the novel “The Death of Ivan Ilyich” and the story “Between Death and Life”. Noting the textual similarity of the works, the researcher aims to analyze writers’ polemic in the field of philosophy, the function of French expressions in both texts, and to highlight the techniques through which Tolstoy’s theory about the necessity of spiritual self-development in Apukhtin’s story appears untenable.

Введение

Из биографического очерка Модеста Чайковского и из самих писем А. Н. Апухтина достоверно известно о том восхищении, которое испытывал писатель по отношению к Л. Н. Толстому, однако до сих пор нет работы, предметом которой было бы изучение влияния творчества Толстого на прозаические опыты Апухтина. В частности, нет исследования, целью которого был бы сравнительный анализ фантастического рассказа Апухтина «Между смертью и жизнью» и повести Толстого «Смерть Ивана Ильича», несмотря на их сюжетное сходство. В обоих текстах повествование начинается со смерти главного героя и описания происходящих вокруг его мёртвого тела событий. Оба автора акцентируют своё внимание не на «технической» стороне происходящего, а на том, как смерть главного героя воспринимается остальными людьми, чем определяется их поведение, почему оно не коррелирует с внутренними переживаниями; у обоих авторов есть мотив критики «высшего общества». Однако на этом их связь не исчерпывается.

Французские слова как маркеры фальшивости

И Толстой и Апухтин критикуют прогнившее высшее общество; маркерами «фальшивости», непременным атрибутом «доли театральности» в обоих текстах становятся французские слова и выражения¹. Например, в «Смерти...» Прасковья Федоровна, «вдова-страдалица», перед тем как обстоятельно расспросить буфетчику о ценах на кладбищенское место и о певчих, взглянув «с видом жертвы» на Петра Ивановича, говорит по-французски, что ей очень тяжело. У Апухтина вдова, тяжело переживающая смерть мужа, слушая текст объявления, говорит по-французски, что не выносит ужасное слово «прискорбие», и просит заменить его на «с глубокой скорбью».

«Герасим» у Апухтина

В рассказе «Между смертью и жизнью» нет героя, который выполнял бы функцию, аналогичную толстовскому мужику Герасиму. При это можно сказать, что в своём произведении Апухтин как бы

¹ У Апухтина — исключая фрагменты текста, связанные с замком Ларош-Моден, находящимся во Франции.

«трансформирует» образ этого героя, «разбрасывает» черты, его характеризующие, по нескольким персонажам.

По своему положению на роль Герасима мог претендовать Савелий. Если брать за основу именно внешность Герасима, то похож на него в рассказе Апухтина будет расторопный Семён, так же занимающий должность «буфетчика». Поддержку и заботу, которую Иван Ильич получает от Герасима, князю Дмитрию оказывает его жена Зоя, в поведении которой после смерти мужа всё же присутствует фальшивость, «известная доля театральности» [Апухтин, 1985, с. 494]. Из сказанного выше вытекает вопрос, почему Апухтин выстраивает систему персонажей таким образом.

Литературный ответ

В 1891 году², в своём письме к Толстому, Апухтин высказывает следующие мысли: «Давно уже я смотрю на ваше превращение из художника в проповедника, как на свое личное горе», «Будучи истинной по существу, она [проповедь] по способу изложения полна всевозможных преувеличений и софизмов, а потому-то и не достигает цели» [Зайденшнур, 1939, с. 441]. Можно предположить, что под преувеличениями и софизмами Апухтин подразумевает как раз то, каким образом Толстой в прозе и многочисленных статьях описывает крестьянского мужика: слишком правильно, слишком идеалистично, и поэтому в свой рассказ он вводит Савелия. Апухтин не верит Толстому, утверждающему, что именно крестьянские мужики — носители истины, лишь они живут праведно, так, как должны жить все, и что с них следует брать пример, поэтому организует такую систему персонажей.

Кроме того, Толстой в «Смерти...» хочет показать, что Иван Ильич прожил дурную жизнь, что между «мёртвым телом и людьми, обсуждающими эту смерть, <...> разница невелика» [Набоков, 2014, с. 337]. Автору важен медленный процесс умирания главного героя, переосмысливающего свою жизнь и приходящего к выводу, что вся она была «не то»; Герасим, напротив, является олицетворением человека, живущего правильно и праведно. Апухтина гораздо больше интересует то, что у Толстого прямо так и не было прого-

² Хотя письмо написано под влиянием других работ Толстого, кажется, что оно актуально и для «Смерти...», ведь, как замечает Модест Чайковский — близкий друг Апухтина, последний безраздельно восхищался Толстым вплоть до выхода этой повести, с этого момента оценка творчества Толстого начинает меняться.

ворено, — что человека ждёт за гранью. Свой рассказ писатель делает своеобразным продолжением повести «Смерть...», показывает, что скрывается за светом, который появляется у Толстого. Процесс духовного перерождения героя и обретения им истины — знания о том, что вся прошлая жизнь была «не то», — у Апухтина становится побочным мотивом, о котором автор говорит лишь в начале произведения.

Апухтин, в отличие от Толстого, не предлагает человеку в жизни лишений, не проповедует их в качестве идеала, а проповедует «жизнь ради жизни» (звучащая рефреном фраза князя Дмитрия «О, только бы жить!» служит тому подтверждением); оправдывает человека — «скорей можно удивляться тому, что есть на свете безусловно хорошие люди» [Апухтин, 1985, с. 502] — и даже в некоторой степени говорит о том, что перерождение ждет каждого, независимо от того, как человек прожил свою жизнь³. Таким образом, идея Толстого о необходимости постоянного духовного совершенствования предстаёт бессмысленной.

Заключение

Можно говорить о том, что Апухтин, заимствуя в некоторой степени у Толстого сюжет и метод описания высшего общества (в частности, «правило» использования французских выражений), создаёт свой рассказ как некоторое продолжение повести Толстого, при этом полемизируя с последним в области философии. В частности, Апухтин отрицает идею Толстого о необходимости постоянного духовного самосовершенствования, пропагандируя идею «жизни ради жизни» и настаивая на том, что возможность перерождения не связана с тем, как человек ведёт себя в одном из воплощений. Кроме того, образ крестьянина, создаваемого Толстым, автор считает идеализированным и полным софизмов и показывает невозможность существования такого крестьянина в реальной жизни, разбрасывая в своём рассказе черты, характеризующие толстовского Герасима, сразу по нескольким персонажам.

ЛИТЕРАТУРА

Апухтин А. Н. Между смертью и жизнью. Фантастический рассказ // Апухтин А. Н. Сочинения: Стихотворения; Проза / Сост. и подгот. текстов

³ Воспоминание о прошлых воплощениях героя позволяет предположить, что он в равной степени однажды мог быть преступником.

А. Захаркина; вступ. статья М. Отрадина; примеч. Р. Шацевой. М.: Худож. лит., 1985. 558 с. С. 484–504.

Зайденинур Э. Примечания: Толстой в воспоминаниях современников // Лит. наследство. Т. 37/38: Л. Н. Толстой. Кн. II. М., 1939. С. 440–442.

Набоков В. В. Смерть Ивана Ильича // Набоков В. Лекции по русской литературе / Перевод с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 332–342.